

Шокирующая история Российской империи

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ВЕЛИЧАЙШИЕ ВРАЧЕВАТЕЛИ РОССИИ

ЛЕТОПИСЬ МЕДИЦИНСКИХ ОТКРЫТИЙ

Бушков. Шокирующая история Российской империи

Александр Бушков

**Величайшие врачеватели
России. Летопись исторических
медицинских открытий**

«ЭКСМО»

2021

УДК 61(091)(470)

ББК 5Г(2)

Бушков А. А.

Величайшие врачеватели России. Летопись исторических
медицинских открытий / А. А. Бушков — «Эксмо»,
2021 — (Бушков. Шокирующая история Российской империи)

ISBN 978-5-04-156787-3

Россия удивила мир ошеломительными успехами в разработке антиковидных вакцин. А чему, собственно, удивляться? Достаточно немного углубиться в историю мировой медицины, чтобы понять – Россия издавна славилась выдающимися медиками, совершившими революционные перевороты во врачебной практике. Например, Николай Васильевич Склифосовский. Генерал от медицины, удивительного мужества человек, совершивший прорыв в развитии военно-полевой хирургии. Известен случай, когда во времена Русско-турецкой войны он под огнем противника оперировал четверо суток подряд! Или Даниил Самойлович, который в годы жуткой московской чумной эпидемии впервые в истории открыл законы дезинфекции, а на Русско-турецкой войне 1787 года лично выходил и вернул в строй тяжело раненного А. В. Суворова. А великий хирург Николай Пирогов, который впервые в мире ввел понятие антисептика и впервые сделал то, что позже стали называть пластической хирургией: выкроил безносому цирюльнику новый нос из кожи на лице. Знал бы он, как женщины будут перекраивать свои лица в XXI веке! Почему эту книгу надо обязательно прочитать? Потому что это интересно, познавательно. Потому что появится еще одна весомая причина гордиться нашей страной, нашей историей. И еще раз убедиться: здоровье нашей нации – в надежных руках. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 61(091)(470)

ББК 5Г(2)

ISBN 978-5-04-156787-3

© Бушков А. А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Александрович Бушков

Величайшие врачи России

Летопись исторических медицинских открытий

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бушков А. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава первая

К истории предмета

Aliis inserviendo consumor

По-латыни это означает: «Светя другим, сгораю сам». Когда-то известный голландский медик Ван Тульп предлагал именно эти слова сделать девизом врачей, а горящую свечу – своеобразным «гербом» медицинского сословия. По каким-то, уже неизвестным сегодня, причинам это предложение не прошло – по-моему, зря. Смысл здесь был глубокий. Особенно если вспомнить, что врачи порой не только гибли при эпидемиях, но и ставили опыты на самих себе, смертельно опасные, нередко кончавшиеся гибелью.

Эта книга – о знаменитых русских медиках XVII–XIX столетий. Но поскольку появились они не сами по себе, не были гениями, охваченными внезапным озарением, а шли по стопам длинной (порой очень длинной) цепочки предшественников, как случается со всяким ремеслом, думаю мне, нужно сначала дать краткую историю этих предшественников, начиная с Древней Руси.

И не только. Есть смысл начать рассказ с того, как вообще зародилась медицина (иные ее виды – и вовсе уж незапамятной древности), о длинной истории успехов и неудач, которых, увы, в течение долгих веков было гораздо больше, чем успехов. Кратко рассказать о чертовски длинном пути, когда многое нащупывали чисто интуитивно, от первых крайне примитивных методов постепенно переходили к более сложным, уже научным, рассказать о пробах и ошибках. Слишком часто, увы, та самая свеча так и сгорала впустую, и проходили столетия, прежде чем она вновь вспыхивала ясным, чистым пламенем, уже неугасимым...

Начать следует не просто с пресловутых «незапамятных времен» – с каменного века. Никакой ошибки или преувеличения, поскольку все так и обстояло. Именно с каменного века берет начало, как это ни покажется кому-то странным, хирургия. И не всегда крайне примитивная, как можно бы подумать.

В самом начале наверняка, как это было с очень и очень многим, нужные решения нащупывали чисто интуитивно, методом проб и ошибок. Может быть, дело обстояло примерно вот так...

Одноногий, или, как его еще звали в племени, Старый (как-никак сорок лет, возраст по тем временам крайне почтенный), сидел на солнышке у входа в пещеру и, забыв об обычной слабости, то посматривал на речушку, где женщины и дети пытались острогами добыть рыбу, то жадно осматривал окрестности – не появятся ли наконец с добычей ушедшие спозаранку охотники. И ничего тут не было от пустого любопытства или безделья. Речь шла о его жизни, ни больше ни меньше. Если попадется достаточно рыбы, если охотники вернутся с добычей – ему жить. Если нет – питанием для соплеменников станет он, самый никчемный и ни к чему не годный член племени. Жалкий калека. Так что сегодня решалось, жить ему или умереть. Или рыбы, или олень, или он. Никакой злобы к никчемному – просто племя должно жить. Он и так уже год жил исключительно по милости вождя племени Ведомира, но еды в племени не было уже двое суток, так что милость вождя не безгранична... В подобных случаях стариков, немощных, калек – бесполезную обузу – попросту съедали, чтобы сохранить жизнь другим.

Дело не только в старости. Еще и нога... Он ее сломал, упав с дерева прошлой зимой. Хорошо еще, не бросили прямо там же, донесли до стойбища и положили в дальнем уголке пещеры – чтобы не донимал стонами. Он выжил, его не убили, потому что так уж сложилось, что мяса и рыбы все это время хватало. И Старик целый год (правда, ни он, ни кто-то другой не умел считать время ни годами, ни какими-то еще отрезками) прыгал по пещере на одной ноге,

волоча вторую, сломанную выше колена. Все давно зажило, ему не было больно, но служить нога отказывалась. А потом среди веток Старику попался длинный и прочный то ли корень, то ли сук. Сначала он просто опирался на него двумя руками, но потом догадался приспособить широкий край под мышку. Опора вместо сломанной ноги, вместо кости. Старик ее так и назвал – костель.

Ага! Из леса наконец показались охотники!

Оленя они несли, но несли и вождя. Его нога болталась во все стороны, как здоровая человеческая нога никогда не станет, а сам вождь, издали видно, пребывал в Мире Ночи – ничего не видел и не слышал вокруг.

Старик сидел молча. Вождя пронесли мимо него и кинули в тот самый дальний угол пещеры, где когда-то лежал он сам. Медовед проревел:

– Три солнца пусть лежит. А потом...

Старик, опираясь на костель, заковылял туда, где лежал тот, кто еще утром был вождем, а сейчас стал никем, ушел в Мир Ночи и лишь изредка тягуче стонал. И тут Старого осенило. Он вспомнил свое падение, некие смутные мысли о переломанных костях. Вспомнил детство и тогдашнего вождя, которому на охоте кто-то нечаянно сломал пальцы на руке. Вождь бодрился, смеялся, показывал всем, какой это пустяк. Но из вождей его тем не менее сместили. Правда, через «два снега» вновь призвали быть вождем, потому что сломанные пальцы срослись, и рука стала такой же сильной, как раньше. «А если...» – пришло вдруг в голову Старому. Он кликнул мальчишек, сказал им, что принести, а сам занялся сломанной ногой Вedomира. Старательно пытался придать ей прежнее, нормальное положение. Когда это более-менее удалось, Старый обложил ее со всех сторон толстыми сухими прутьями, а потом очень плотно примотал их к ноге жгутами сухой травы. Прошло время, кость срослась, вождь, хоть и прихрамывающий, остался вождем.

Я не утверждаю, что все было именно так. Но примерно так, скорее всего, и было – догадки, озарения, интуиция. Дело даже не в древних костоправах – люди каменного века пошли еще дальше и в массовом порядке производили самые настоящие хирургические операции. Железные доказательства этому давным-давно (и во множестве) представили археологи. В виде многочисленных скелетов людей каменного века, над которыми в свое время потрудились (причем успешно) соплеменники-хирурги.

Известен скелет с ампутированной по локоть рукой – причем по состоянию кости видно, что рана заросла, больной выжил и прожил еще не один год. И он не единственный такой. А ведь в распоряжении древних хирургов (позвольте уж писать это слово без кавычек) были только заостренные камни и ничего больше.

Древние ампутации – еще не самое примечательное. В седой древности, в эпоху неолита (то есть во времена, на две-три тысячи лет отстоявшие от тех, когда человек научился работать с металлами), в массовом порядке проводились... трепанации черепа (если кто запомнит, трепанацией именуется операция, когда в черепной кости проделывается сквозное отверстие до мозга, например чтобы снять повышенное внутричерепное давление). Опять-таки не располагая ничем, кроме заостренных камней. Техника была отработана, операции проводились, повторяю, в массовом порядке. В черепной кости проделывали от одного до пяти круглых отверстий. Операция опасная и сложная даже сегодня, но соль в том, что пациенты каменного века сплошь и рядом выживали и выздоравливали. Что наглядно доказывает состояние многих черепов: видно, что по краям отверстий понемногу нарастала кость, края отверстия сглаживались, а такое могло происходить только с живым. Доказательств масса – многочисленные древние черепы со следами трепанации находят по всему миру, в том числе и на территории России, в Поволжье, где обитали скифы (на одном из скифских сосудов, кстати, во всей наглядности изображено, как лечит соплеменника тогдашний стоматолог).

Сохранились зубные протезы, изготовленные древними этрусками, учителями и предшественниками древних римлян. В древнем Вавилоне самой обычной медицинской процедурой считалось, если врач (острым бронзовым ножом) снимет бельмо с глаза пациента (правда, по сохранившимся свидетельствам, далеко не все операции кончались удачно, но стопроцентным успехом не могут похвастать и сегодняшние хирурги, располагающие технологиями, которым и в подметки не годится «острый бронзовый нож»).

Как легко догадаться, расцвет хирургии пришелся на времена, когда появились регулярные армии и начались постоянные войны. А потом, как это частенько бывает, военные технологии ушли «на гражданку».

Операции очень долго проводились исключительно на костях – вторгаться железом во внутренние органы было чересчур рискованно. Вспомним, что еще в 1837 году лучшие тогдашние хирурги оказались бессильны спасти Пушкина, получившего пулю в брюшину. Извлечь ее никто даже не пытался, лишь тогдашними снадобьями пытались облегчить страдания больного, насколько удавалось...

Да и операции на костях таили нешуточную опасность для больного, который мог попросту умереть от болевого шока. А потому давным-давно хирурги задумались, как обеспечить бесчувственное состояние пациента во время операции. Самые разные методы наркоза появились за столетия до эфира и хлороформа. От некоторых из них – мурашки по спине... Широко применяли кровопускание – задачей было обескровить пациента настолько, чтобы он надолго потерял сознание. Иные доктора вводили в прямую кишку пациента табачный раствор. Перед операцией человеку давали маковый раствор, а то и просто-напросто напивали вином, что называется, вусмерть (что наверняка влекло за собой не только боль в подвергшейся ампутации конечности, но и жесточайшее похмелье – ну, не исключено, что ему давали как следует опохмелиться). Порой, не мудрствуя, пациента просто-напросто оглушали специальным деревянным молотком (сколько этот метод повлек за собой сотрясений мозга и других травм, осталось только предположить).

Послеоперационные процедуры особой гуманностью тоже не отличались: чтобы обеззаразить прооперированное место и остановить кровотечение, его прижигали раскаленным железом или окунали конечность в кипящее масло. Что вытерпеть, пожалуй, было еще потруднее, чем подвергнуться самой операции. Позже стали перевязывать крупные кровеносные сосуды и зашивать рану – тоже весьма болезненная процедура, таившая и другие опасности, кроме болевого шока: в те времена никому и в голову не приходило, что следовало бы не то что стерилизовать инструменты перед операцией, но и просто мыть руки. Точный процент тех, кто подхватил инфекцию и умер от такого подхода к делу, неизвестен, но наверняка высок...

Позже, когда чуточку разобрались в том, что такое болевой шок, стали применяться новые методы, заключающиеся в том, чтобы проводить операцию как можно быстрее, в прямом-таки молниеносном темпе – что требовало от хирурга нешуточного мастерства. Но было, думаю мне, все же что-то получше раскаленного железа или «специального деревянного молотка»...

Жил-был в Лондоне во второй половине XVII века мелкий чиновник по имени Сэмюэл Пипс. Личность совершенно бесцветная, неинтересная, но тем не менее прочно прописавшаяся в мировой истории по довольно убедительной причине: Пипс много лет вел многотомный дневник, куда заносил превеликое множество скучных для своего времени бытовых подробностей. Однако в XX веке эти дневники опубликовали, и они стали одним из ценнейших исторических источников во всем, что касалось быта и нравов.

Так вот, однажды – если точно, в 1658 году – операции подвергся и Пипс, причем уже не ампутации – ему удалили камень в почках. Без всякого наркоза. Ставка была как раз на быстроту – всего за пятьдесят секунд хирург разрезал почку, нашел и извлек приличных раз-

меров камень. Выздоровливал Пипс больше месяца, но обошлось без всяких осложнений и инфекций: современные исследователи считают, так произошло оттого, что в тот день хирург оперировал Пипса первым и его инструменты были относительно чистыми...

В свое время как мастер молниеносных операций прославился знаменитый военный хирург наполеоновской армии Жан-Доминик Лярей. Именно он в 1812 году сразу после Бородинской битвы за двадцать четыре часа, не отходя от стола, сделал двести ампутаций. Я могу и ошибаться, но нигде не попадалось, чтобы этот рекорд был впоследствии кем-то побит. Что важно, подавляющее большинство пациентов Лярея выжили и, насколько уж были в состоянии, вернулись к нормальной жизни.

А в общем и целом, хирургическая операция долго, очень долго оставалась нешуточным пугалом, всерьез опасаться которого были все основания. Так что люди частенько занимались самолечением. Именно так умер американский губернатор Моррис, один из «отцов-основателей», подписавших Декларацию независимости США. Чем-то ему забило мочеиспускательный канал. Опасаясь допускать докторов к столь ценному предмету, Моррис сам принялся прочищать это место тонкой полоской китового уса... Хоронили с цветами.

Смешного тут мало. Бояться хирургов были все основания отнюдь не у одних «невежественных и необразованных» слоев населения. В 1881 году президент США Джеймс Гарфилд получил ранение от анархиста револьверной пулей. Как теперь установлено, сама по себе рана была не столь уж и опасной, но врачи, по тогдашней милой привычке, полезли в нее немытыми руками, занесли инфекцию...

Коли уж речь об инфекциях, нельзя не рассказать о так называемой родильной горячке, впервые зарегистрированной в Лейпциге в 1652 году. Болезнь обрушивалась неожиданно. После вполне успешных родов проходило несколько дней, и роженица казалась совершенно здоровой. Внезапно резко поднималась температура, начиналась горячка, бред. Продолжалось это примерно с неделю, потом больная либо поправлялась, либо умирала. Чаше умирала – были времена и регионы, когда смертность от «родильной горячки» достигала 90 %...

Врачи, глубокомысленно покачивая головами, толковали о «плохом воздухе» и «моральной неустойчивости» больной. На самом деле все обстояло гораздо печальнее: явившийся принимать роды врач мыл руки не до работы, а после. И заносил разнообразные инфекции – в истории медицины зафиксированы случаи, когда иные эскулапы являлись к роженице прямо со вскрытия в морге, и не подумав вымыть руки...

А между тем еще в 1847 году скромный венский врач Земмельвейс заметил: если перед родами все, причастные к их принятию, мыли руки в слабом растворе хлорки, заболеваемость падала прямо-таки резко. Как говорится, нет пророка в своем отечестве... Едва Земмельвейс попытался обнародовать свое открытие, на него сплоченными рядами навалилась медицинская общественность, чествуя шарлатаном и недоучкой: на свою беду, Земмельвейс никаких почетных титулов не носил и высокого положения не занимал, был рядовым врачом – как выразился по другому поводу кто-то из классиков, «фигурой, не имеющей вида». И прошло лет пятьдесят, прежде чем врачи наконец-то согласились: руки следует мыть «до». К тому времени были открыты и микробы (о существовании которых во времена Земмельвейса просто не подозревали). «Родильная горячка» быстро сошла на нет...

Не вполне приглядная история произошла и с акушерскими щипцами, которые применяют, когда ребенок идет трудно. Их изобретатель Питер Чемберлен решил держать изобретение в секрете и пользовался щипцами единолично – сначала он, потом его наследники. Только через сто лет щипцы заново изобрел кто-то другой и ввел в широкий обиход.

Впрочем, не такой уж широкий. Врачи попросту избегали ими пользоваться, потому что для этого требовалось нешуточное мастерство: при неумелом обращении инструмент мог навредить как ребенку, так и матери.

Именно нехитрое приспособление под названием «акушерские щипцы» однажды самым решительным образом изменило английскую историю. Старшей наследницей британского трона в свое время была вовсе не принцесса Виктория, а принцесса Шарлотта. Однако она умерла, рожая первенца: ребенок шел очень трудно, но главный врач, сэр Ричард Крофт, и сам не воспользовался щипцами, и не дал этого сделать своим ассистентам. Промучившись пятьдесят часов, молодая женщина умерла, и ребенок, так и не родившийся, тоже. Сложись все иначе, английская история, без сомнений, была бы совершенно другой. Кстати, Крофт, на которого обрушилась нация, в конце концов застрелился, но покойной это уже ничем не могло помочь...

Вслед за хирургией в те же незапамятные времена (а может быть, и параллельно с ней, мы этого никогда не узнаем) стала развиваться фармакология, об истории которой нам известно гораздо меньше. Древние скелеты в распоряжении науки имеются в превеликом множестве, а вот материальных следов травяных настоев или иных «зелий», как читатель легко поймет, попросту нет. Можно только строить догадки, предполагать, что, как и в случае с хирургией, все было основано на интуиции, догадках, каких-то жизненных наблюдениях, тем же методом проб и ошибок. К тому же были времена, когда траволечение приравнялось к колдовству, что заставляло знахарей соблюдать конспирацию и не оставлять ничего писаного, даже если они и владели грамотой. Простой пример: когда бояре Романовы устроили свой первый (были и последующие) заговор против Бориса Годунова, при обыске у них нашли изрядное количество корней и сушеных трав. У следствия моментально возникла версия, что посредством всего этого добра «колдуны Романовы хотели батюшку-царя волховским способом извести». Старший Романов яростно доказывал, что к колдовству он и близко не стоял, что он страстный лошадиник и всем этим пользуется исключительно для лечения лошадей. Как бы там ни было, один из первых зафиксированных в письменной истории русских ветеринаров под репрессии все равно угодил – не за «зелья», так за вполне реальный заговор...

Подробно описывать историю фармакологии я не буду, уточню лишь, что долгими столетиями она плелась в хвосте пусть даже весьма несовершенной хирургии. Опытом простонародья (накопившего немалые практические знания) ученые мужи как-то брезговали пользоваться и в более просвещенные времена, когда говорить вслух о колдовстве было как-то даже и неприлично. Экспериментировали сами, как удавалось. Отсюда и экзоты вроде снадобий из измельченного в тончайший порошок золота и жемчужин – считалось, что «благородный» металл и «благородный» камень благодаря своей возвышенной сущности справятся чуть ли не с любым недугом. Зато (такое уж оригинальное создание – человек) с давних времен было изобретено множество весьма эффективных ядов, иногда «замедленного действия»...

А в общем и целом, так уж исторически сложилось, что медицина очень долго откровенно отставала от общего научно-технического прогресса. Во второй половине XIX века привычной деталью быта стали паровозы и пароходы, телеграф и телефон, ученый мир вплотную подошел к открытию рентгеновских лучей и радиоактивности, а медицина отставала. Конечно, появился настоящий наркоз, но вот перед всевозможными эпидемиями врачи оставались столь же бессильны, как их коллеги лет пятьсот назад. О микроорганизмах уже кое-что знали, но возбудителей самых опасных болезней еще не открыли. Еще в 1853 году самый солидный и авторитетный английский медицинский журнал «Ланцет» писал с неким печальным простодушием: «Что такое холера? Грибок, насекомое, миазмы, электрическое возмущение, дефицит озона, патологическое очищение кишечного канала? Мы ничего не знаем».

Долго грешили на «атмосферные миазмы», они же «гнилостные испарения сточных труб». И только в 1883 году Роберт Кох, будущее светило германской микробиологии, а тогда скромный сельский врач-экспериментатор, выделил бациллу – холерный вибрион (семью годами ранее он же открыл микроб сибирской язвы).

В 1895 году в объектив микроскопа попала чумная палочка. К тому времени уже были открыты возбудители тифа. Еще в 1872 году русские ученые Манасеин и Полотебнов стали успешно лечить раны и язвы плесенью – но, честно говоря, наблюдения их были во многом интуитивными. Пенициллин в чистом виде был выделен лишь в 1940 году...

Если уж мы заговорили об эпидемиях, никак нельзя пройти мимо нешуточной загадки, до сих пор не получившей внятного научного объяснения. Определенно можно сказать одно: хотя дело и происходило столетия назад, и речи быть не может о несовершенстве медицины. Здесь что-то другое...

В 1485 году на Англию внезапно, как гром с ясного неба, обрушилась совершенно неизвестная прежде болезнь, которую чуть погодя назвали «английской потливой горячкой» – из-за того, что заболевший еще и обильно потел. Смертность была высокой, люди умирали тысячами, выздоровлений практически неизвестно. Врачи опустили руки: никогда прежде не заявлялось незванным гостем такой хвори, никто и представления не имел, как тут подступиться.

«Потливая горячка» возвращалась в 1508, 1517, 1528 годах, всякий раз унося тысячи жизней. Потом исчезла. Навсегда. Вплоть до нынешнего дня нигде и никак себя не проявила (и, кстати, за пределы Англии не выходила).

В 50-е годы XVI века там же, в Англии (один-единственный раз за всю историю человечества, по крайней мере писаную), столь же внезапно объявилась новая напасть, некая лихорадка, названная, за неимением лучшего, «новой болезнью». По словам современников, «она свирепствовала по всему королевству и убила множество людей всех сословий, но в основном знатных и богатых». Финал тот же: унесла тысячи жизней и не распространившись за пределы Англии, и эта загадочная болезнь вдруг пропала, никак себя не проявив до сегодняшнего дня...

Вот что это? Что это было? А что, если очередной упавший на землю метеорит попросту занес какие-то внеземные бактерии, оказавшиеся для жителей нашей планеты смертельными? Объяснение, согласен, не вполне научное и опытным путем доказано быть не может, но научных объяснений как не было, так и нет...

Кстати, с точки зрения «метеоритной» гипотезы, столь же подозрительно выглядит и эпидемия «испанки». Якобы разновидность гриппа, эта болезнь в конце Первой мировой войны и позже унесла уже не тысячи жизней – миллионы по всей Европе. После чего никогда больше не проявляла себя в том виде, в каком когда-то явилась. Самое интересное, что в данном случае вполне можно провести самые что ни на есть научные исследования – известны захоронения жертв «испанки» на Севере, в вечной мерзлоте. Тела сохранились и в любой момент могут быть подвергнуты микробиологическим исследованиям (быть может, кто-то уже это втихомолку и проделал, но широкой, как говорится, общественности об этом ничего не известно). Рассуждая чисто теоретически, все возможно. Нет ничего антинаучного в предположении, что какой-нибудь очередной метеорит может нести в себе живые, готовые к разрушительной работе бактерии и вирусы неизвестных нам, но смертельно опасных для человека болезней, носящих характер эпидемии...

Хотя... Вполне возможно, эта версия не так уж и антинаучна. Уже на середине работы над книгой я наткнулся на высказанную двумя серьезными крупными учеными – Ф. Хойлом и Р. Викрамсингхом – гипотезу о кометном происхождении эпидемий. Высказанная около пятидесяти лет назад, она не доказана и не опровергнута. А ученые – повторяю, крупные – в шарлатанстве не замеченные...

Как они считали, на поверхности кометных ядер существуют «идеальные» условия по превращению неживой материи в живую. Одна из форм подобной живой материи – бактерии и вирусы, попадающие на Землю, когда наша планета пересекает остатки кометных хвостов. Ученые считали, что внезапное появление сразу в нескольких точках земного шара и быстрое распространение эпидемии трудно объяснить передачей заразных бактерий и вирусов от человека к человеку или посредством паразитов-переносчиков: вшей, клещей, тараканов и прочих

насекомых. По их подсчетам, процесс такой гораздо более медленный, подозрительно стремительное продвижение по странам и континентам эпидемий и пандемий.

Они полагали, что нешуточная паника, которую с давних времен вызывало у людей появление на небе комет, как раз тем и была вызвана, что люди давным-давно подметили: вспышки заразных болезней в основном и совпадают с появлением комет. Как тут не вспомнить об «английской потнице», проявившей себя один-единственный раз в ограниченном районе и исчезнувшей, будем надеяться, навсегда...

«Наша теория, если, конечно, она верна, будет иметь большое биологическое значение. Возможно, что потребуется осуществлять в стратосфере постоянное микробиологическое наблюдение, чтобы предотвращать тот хаос, который в будущем может возникать от вторжения внеземных организмов» (Ф. Хойл и Р. Викрамсингх).

Гипотеза, повторяю, до сих пор не подтверждена, но и не опровергнута...

Да и насчет своих, так сказать, доморощенных эпидемий порой выдвигают крайне любопытные версии. Еще несколько десятилетий назад двое врачей предложили версию: у многих возбудителей эпидемий где-то (предположительно в Юго-Восточной Азии) есть некое гнездо, где они, подобно впавшим в спячку в какой-нибудь пещере летучим мышам, до поры до времени мирно дремлют, а потом, пробудившись, прокатываются по земле на огромные расстояния, оставляя тысячи жертв.

Ученый мир на сей раз не рычал и не щелкал клыками (как это с ним порой бывает, один пример с Земмельвейсом чего стоит). Авторам гипотезы просто-напросто довольно мягко указали, что экспериментальными подтверждениями своей гипотезы они не располагают, и никто не располагает. Авторы примолкли – у них и в самом деле имелась лишь чистейшей воды теория, ничем практически не подтвержденная...

Поговорим чуточку и о протезировании. Оно тоже берет начало в довольно древние времена. Об искусственных зубах (и целых «мостиках») этрусков уже говорилось. Две тысячи лет назад греческий «отец истории» Геродот писал о воине, попавшем в плен и содержавшемся прикованным цепью за ногу. Чтобы бежать, он отрубил себе ступню и потом долгие годы ходил с деревянной ногой. Ничего особо фантастического в этой истории нет. Тем более что давно уже при раскопках итальянского города Капуи археологи обнаружили скелет древнеримского легионера, при жизни ходившего с бронзовым протезом ноги (должно быть, потерял ногу в сражении). Протез, разумеется, самый примитивный, просто-напросто бронзовая отливка ноги – но это все же лучше, чем ничего...

Верится в это с трудом, но подвижные протезы конечностей начали делать еще в Средневековье. Отдельные части соединяли шарнирами, своеобразными «суставами», и приводили в движение мускулами здоровых частей тела через затейливую систему рычагов и хитроумных тяг (понятно, что такую роскошь мог себе позволить только человек состоятельный). Правда, чтобы воспользоваться таким протезом по назначению, приходилось заниматься замысловатой акробатикой. Чтобы сжать такую кисть руки, чтобы согнуть в локте такую искусственную руку, приходилось выполнять именно что замысловатые гимнастические упражнения всем туловищем. Опять-таки лучше, чем ничего...

Ненадолго отступим в XVIII век. Не кто иной, как «просветитель» и вольнодумец Жан-Жак Руссо, помимо всех иногда безобидных, иногда опасных глупостей, которые писал и высказывал, как-то выдвинул свою, весьма оригинальную теорию об образе жизни древнего человека. Согласно Руссо, первобытный человек никаких болезней не знал вообще. Ни единой. Он всегда был здоровехонек, а умирал исключительно от старости, тяжелых травм, когтей дикого зверя и т. д. А болезни появились гораздо позже, уже в виде наказания от Бога за грехи человеческие.

Лично я плохо понимаю, как это сочеталось с «просветительством» Руссо, его борьбой с «мистикой и поповщиной». Но дело не в том. Главное, очередная завиральная теория Руссо (а

других у него никогда и не имелось) была опровергнута, едва начались систематические раскопки древних курганов и захоронений «доисторических людей». О том, какими болезнями внутренних органов страдал человек каменного века, сказать ничего, разумеется, нельзя по вполне понятным причинам: нет материала для исследований. Зато костные болезни, до сих пор доставляющие людям немало невзгод, зафиксированы во множестве: остеомиелит, остит, костный туберкулез, артрит, остеома, рахит... Рассуждая логически, можно, пожалуй, признать, что в доисторические времена существовали и все (или большинство) болезни внутренних органов, от рака и гриппа до дизентерии и глаукомы. Да и психические, быть может, тоже.

Еще немного об интуиции. Средневековые летописи свидетельствуют: во время эпидемий чумы все городские церковные колокола непрерывно звонили, сутками, а то и неделями. После чего чума сплошь и рядом шла на убыль, что летописцы, в полном соответствии с убеждениями своего времени, приписывали благотворному влиянию церковных колоколов, то есть милости Божьей, изгнавшей чуму из города.

Когда наступил XVIII век, пышно наименованный «веком Просвещения», тогдашние «просветители» (в первую очередь французские) вдоволь поиздевались над «попами-мракобесами» и объявили летописные сообщения об успехах колокольного звона в борьбе с чумой беззастенчивой выдумкой, призванной заморочить мозги честному народу религиозным дурманом. Это убеждение продержалось довольно долго.

Однако XX век расставил все на свои места. Действия церковников получили строго научное объяснение, «попы-мракобесы» были полностью реабилитированы, а летописные сведения признаны чистейшей правдой...

Дело в том, что, кроме звуков, которые человеческое ухо слышит, есть еще две разновидности, человеческому уху недоступные: звуки особо низких тонов – инфразвук и особо высоких – ультразвук. Собака, кстати, ультразвук слышит прекрасно, так же, как звук обычный. Довольно давно появились «бесшумные» ультразвуковые свистки (устройство крайне простое) – собака слышит самый обычный свист и, если приучена на него бежать, несется к хозяину.

(Что любопытно, первыми в массовом порядке ультразвуковые собачьи свистки стали применять не законопослушные граждане – собачники, а браконьеры, стремившиеся в своем щекотливом ремесле к максимально возможной тишине, чтобы не привлечь обычным свистом лесных сторожей.) Немаловажное уточнение: ни человеку, ни собаке ультразвук не причиняет ни малейшего беспокойства, а вот на всевозможных грызунов, не одних только крыс, влияет крайне угнетающе, вызывает форменные нервные расстройства, растущее беспокойство, порой переходящее в панику (кстати, именно так действует на человека инфразвук).

Так что разгадка простая и вполне материалистическая, без тени мистики. Просто-напросто колокол испускает еще и ультразвуковые волны. Чуму распространяли крысы – собственно, не они сами и даже не живущие на них блохи, а обосновавшиеся на этих блохах чумные бактерии. Не выдержав круглосуточной, многодневной «прессовки» ультразвуком, крысы начинали массами уходить из городов, унося с собой блох, а значит, и бактерии. Эпидемия и в самом деле шла на убыль. Конечно, церковники не подозревали об истинной причине явления (кто тогда знал об ультразвуке?), но чисто интуитивно нащупали нужный метод. Наверняка нашелся кто-то сообразительный, связал долгий колокольный звон с отступлением болезни – и его опыт быстро переняли коллеги по профессии.

Вернемся в доисторические времена. Никаких письменных свидетельств о становлении профессиональной медицины, конечно, не существует, но здесь без всяких натяжек можно сделать кое-какие логические выводы. Несомненно, в какой-то момент целительство стало ремеслом. Появились члены племени, освобожденные от всех других обязанностей и занятые исключительно врачеванием: травники, хирурги, вполне возможно, и акушерки. Следо-

вательно, были учителя и ученики. Смертность от довольно примитивного тогдашнего лечения, надо полагать, была велика, но и исцеленных, скорее всего, было достаточно, чтобы люди сохраняли в племени профессиональных лекарей. Весьма даже не исключено (учитывая практику более поздних времен, от которых сохранились письменные свидетельства), что врачевание было овеяно ореолом магии, колдовства, а лекарь приравнялся к шаману племени.

Нам неизвестно также, какое наказание несли лекари за серьезные неудачи. Но нельзя исключать, что наказания были. И в гораздо более поздние времена неудачливый врач, «потерявший» пациента, мог лишиться головы в самом прямом смысле. Как сообщают русские летописи, в Москву, ко двору великого князя Иоанна III, в 1485 году приехал иноземный лекарь, «немчин Антон», а в 1490 году – другой, «жидовин Леон».

Конец обоих был печален. Приехавший в Москву по каким-то своим делам ордынский царевич Каракача внезапно слег с какой-то серьезной хворью. Великий князь отправил к нему Антона. Как тот ни старался, пациент умер. Иоанн, дед Иоанна Грозного, был нрава, ох, не голубинового... Антона пытали, потом отвели на лед Москвы-реки (дело было зимой) и, по выражению летописца, зарезали «как овцу». (Интересно, что помиловать лекаря просили сами татары из свиты царевича, должно быть, руководствуясь известным мусульманским канонem «на все воля Аллаха», что соответствует русскому «Бог дал, Бог и взял». Но великий князь татар не послушал...)

Потом расстался с жизнью и «жидовин Леон» – его публично казнили, когда ему точно так же не удалось вылечить сына великого князя от неизвестной нам хвори и тот умер...

Не стоит считать это «исконно русским варварством». Хватало подобных примеров и в Западной Европе. Долго тянулись времена, когда лекарь жил по принципу «или грудь в крестах, или голова в кустах». Даже в первой половине XIX века и в «варварской» России, и в «цивилизованной» вроде бы Франции простой народ там и сям смертным боем бил докторов – практически синхронно, в 1831 году, когда обе страны посетила эпидемия холеры. Обвинения были незатейливы: заразу распространяют, ироды!

Кстати, кары для врачей – традиция, идущая из глубины тысячелетий. От Древнего Вавилона сохранились высеченные на камне знаменитые «законы царя Хаммурапи», где расписано четко: за успешное лечение или операцию (именно там упоминается то самое удаление бельма на глазу) врач получает солидное вознаграждение, а вот в случае неудачи подвергается крупному штрафу, а то и карам покрупче...

В общем, врачи очень долго входили в «группу риска» и порой, подобно саперу из известной поговорки, ошибались только раз – второго раза уже не могло быть по чисто техническим причинам...

Есть прекрасное стихотворение Екатерины Горбовской.

По всей земле – колокола, колокола, колокола:
царица сына родила! Царица сына родила!
Царица сына родила – какое счастье!
Царица сына родила – и в одночасье
царь людям выкатил вина и выдал платья.
И всем бросали серебро царицы братья.
И было утро, день пришел, и с колоколен —
царевич болен, болен, болен!
И плачут бабы в деревнях,
и едет в город
на санях
весь мир крещеный.
И от зари и до зари

колдуют что-то знахари
и швед ученый.
Сидели ночь – а поутру был швед
повешен на юру.
Звон колокольный тонет в шуме:
царевич умер, умер, умер...

Да, примерно так иногда и случалось...

Вернемся на родину, и надолго. Первым врачом, чье имя зафиксировано в русских летописях и осталось в истории, был некий лекарь «из Половецких земель» Иоанн Смеро (имя вроде бы не половецкое, но, с другой стороны, в те времена и среди половцев хватало крещеных, носивших христианские имена). Летописи упоминают и о некоем Петре Сириянине, лечившем «вельми хитра» – при осмотре больного он обязательно брал его за руку, видимо, слушая пульс.

Упоминаемые в летописях «больницы» средневековой Руси были в ведении монастырей. Правда, служившие там лекари, непосредственно лечившие пациентов травами и мазями, делавшие операции, в летописях по именам не поминались, так и оставшись для нас безымянными, – по именам летописцы называют только тех, кто «курировал» больницы от монастырей: практика, дожившая кое в чем и до нашего времени, когда порой на все лады поминается один лишь «научный руководитель», а «рядовые», порой как раз и проделавшие главную работу, остаются в тени...

Однако все же есть великая заслуга Русской православной церкви в том, что именно она собрала лекарей под свою руку, обеспечив защиту, средства к существованию, возможности передавать знания ученикам и совершенствовать собственное мастерство. Разрозненные одиночки-энтузиасты понемногу собирались в сообщества за стенами монастырей, превращаясь в некое подобие заграничных гильдий. К сожалению, роль Православной церкви в сохранении и приумножении медицинских знаний, ее заслуги в организации помощи «болящим и страждущим» до сих пор почти не изучены...

А вот теперь займемся исключительно тем, что станем не спеша подниматься по лестнице лет, знакомясь с медициной и врачами как ранних, так и все более поздних времен. Поговорим об успехах и неудачах. Попробуем понять, как жила Русская земля и в каких условиях медики могли (или не могли) оказывать помощь больным.

Глава вторая

Медицина и народ

«Духовная железа», «гусачина», «купырь», «глядельце», «блонка самоцветная», «бряцало глаголющее», «горница», «небесник». Вряд ли кто-то помнит, что эти слова означают. Что ж, будем выяснять...

Уже во времена средневековой Руси (ну не люблю я этот термин «Древняя Русь»!) тогдашние хирурги умели делать ампутации, трепанации черепа, проводить «чревосечения». Необходимо отметить, что уже в те времена перед операцией инструменты для дезинфекции «проводили через огонь» – а ведь, как мы помним, еще в XIX веке высокообразованные европейские врачи не утруждали себя дезинфекцией ни инструментов, ни рук и занимались травлей доктора Земмельвейса, предлагавшего делать это. Наркоз был стандартным для того времени: маковый отвар и вино в большом количестве (деревянными молотками русские средневековые врачи, похоже, не увлекались, упоминаний об этом в летописях нет). Раны обрабатывали вином, золой и «березовой водой» (должно быть, имевшей дезинфицирующие свойства). После ампутации ног делали и простейшие устройства, соответственно уровню тогдашней «медицинской техники»: деревянные протезы, именовавшиеся «древяница», «тояга» или костель. Согласно письменным источникам, и в Киеве, и в Новгороде имелись «врачеватели», то есть люди, для которых лечение стало особым видом ремесла, профессией. Врачеванием занимались как светские люди, так и монахи в монастырях. Это считалось почтенным и хорошо оплачиваемым занятием.

Параллельно, нужно уточнить, существовала и тогдашняя «нетрадиционная» медицина, потаенная – обосновавшиеся в местах глухоты полуколдуны-полузнахари. Поскольку в работе они наряду с лекарственными зельями использовали и заклинания-волхвования, к широкой известности не стремились, лечили с оглядкой только «своих» – церковь относилась к ним, мягко скажем, неодобрительно... Наверняка среди них попадались и откровенные шарлатаны – это прямо-таки закон природы что для Руси, что для заграницы. Но, с другой стороны, даже сегодня бывают случаи, когда дипломированные врачи, понизив голос, советуют родителям ребенка для лечения обратиться к «бабке» – и, знаете ли, помогает...

Любили иные иностранцы испокон веков писать о России всякие гадости. Давным-давно некий заезжий иноземец Рихтер, вернувшись домой, издал книгу, где утверждал, что Русь – дикая и малокультурная страна, в русской медицине господствуют мистика и суеверия, так что медицины, по сути, нет, а народ живет в условиях жуткой, говоря современным языком, антисанитарии. Вот только немало прямо противоположных свидетельств других иноземцев...

Никак нельзя обойти своеобразный феномен – русскую баню. С ней сталкивались практически все иностранцы, путешествовавшие по Руси. Многих она попросту пугала – зрелище и в самом деле для непривычного человека было удивительное: в клубах раскаленного пара голые мужчины и женщины что есть силы хлещут себя и друг друга пучками прутьев, а потом еще выскакивают голыми на улицу и бросаются в снег...

Есть итальянская притча времен Возрождения из разряда «плутовских новелл» – о хитрых монахах одного из тамошних монастырей. Кто-то из братии ездил в Россию, был там в бане и, вернувшись, подробно рассказал об увиденном. Монахи в два счета построили у себя точную копию русской бани и с большим удовольствием стали париться. А вдобавок отправили послание вышестоящему церковному начальству, где скромно похвалялись, что они усердно, как и следует верным сынам церкви, постоянно умерщвляют плоть: сидят в клубах раскаленного пара, что есть мочи хлещут друг друга прутьями.

Начальство отправило в монастырь ревизора, посмотреть, как обстоят дела. Ревизор, минутку пробыв в парной (и в самом деле – клубы раскаленного пара, да вдобавок братия друг друга что есть силы связками веток охаживает!), выполз оттуда ни жив ни мертв и доложил начальству: ни капельки вранья, братия в монастыре и в самом деле умерщвляет плоть крайне жестокими способами, с величайшим рвением... Хитрые монахи получили похвалы и льготы...

Пишет арабский путешественник Абу Абдаллах Бекри: «И не имеют они (русские. – А. Б.) купален, но устраивают себе дом из дерева и законопачивают щели его зеленоватым мхом. В одном из углов дома устраивают очаг из камней, на самом верху, в потолке, открывают окно для выхода дыма. В доме всегда имеется емкость для воды, которой поливают раскалившийся очаг, и поднимается тогда горячий пар. А в руках у каждого связка сухих ветвей, которой, махая вокруг тела, приводят в движение воздух, притягивая его к себе. И тогда поры на их теле открываются, и текут с них реки пота, а на их лицах – радость и улыбка».

Ганс Айрманн, один из сопровождающих шведского посла, в своих «Записках о Московии» тоже не прошел мимо русской бани: «Они не пользуются, как мы, скребком для очистки нечистоты с тела, а есть у них так называемый веник, он из прутьев березы, которые высушивают. Летом, пока веники еще зелены и их на бесчисленных телегах привозят в города на продажу, каждый хозяин закупает их во множестве и развешивает для просушки. Ими москвиты дают себя хорошенько отхлестать другим. Этот веник предварительно размачивают в теплой воде, которая у знатных людей бывает проварена с хорошими травами, а затем гладят и растирают ими себя по всему телу вверх и вниз, пока вся пакость не отстанет от кожи. Это они делают столько раз, пока не увидят, что совсем чисты. При этом москвиты имеют в бане особо здоровое обыкновение обливаться ледяной водой с головы до ног, и только после этого они готовы».

Иностранцев поражало еще, что русские и их прямо-таки тянут в баню, считая ее непременным атрибутом дружеского общения. Курляндец Яков Рейтенфельс, посетивший Москву практически одновременно с Айрманном, писал: «Русские считают невозможным заключить дружбу, не пригласив в баню и не откушав затем за одним столом».

Иностранцы дружно отмечали еще, что в русской бане мужчины и женщины моются вместе (ну, разве что кое-где мужские и женские отделения разделены едва ли не символической перегородочкой), а поваляться в снегу или в проруби выбегают все вместе (подобная практика не имела ничего общего с нынешним обычаем ездить в баню с девочками – хотя нельзя исключать, что отдельные морально нестойкие экземпляры уже в те времена предвосхитили сегодняшние банные развлечения).

Как бы там ни было, только в 1743 году российский Сенат особым указом запретил мужчинам и женщинам мыться вместе. Правда, речь шла только о «торговых», то есть общественных банях, на частные запрет не распространялся (а поскольку там мылись мужья с женами, нельзя исключать, что, в случае молодости супругов, домашние баньки видывали всякое...).

А впрочем, очередной грозный указ Сената соблюдаться-то соблюдался, но лишь в самых больших городах. В провинции все долго оставалось по-прежнему.

Испанец Рибера Санчес, придворный врач императрицы Елизаветы, откровенно восхищался: «Всяк ясно видит, сколь бы счастливо было общество, если б имело нетрудный, безвредный и столь действительный способ, чтобы оным могло не только сохранять здоровье, но и укрощать или исцелять болезни, которые так часто случаются. Я, с моей стороны, только одну российскую баню, приготовленную надлежащим образом, почитаю способной к принесению человеку столь великого блага. Когда помышляю о множестве лекарств, из аптек и из химических лабораторий выходящих, приготовленных столькими изживениями и привозимых из всех стран света, то желал я видеть, чтобы половина или три четверти оных, всюду великими расходами сооруженных зданий превратились в бани российские для пользы общества».

Интересно, что иностранцы, долго прожившие в России, вернувшись на родину, частенько заводили у себя бани на манер русских. Особенно быстро этот обычай распространился в Германии. Немецкий врач Макс Плотен писал: «Но мы, немцы, пользуясь этим целебным средством, никогда даже не упоминаем ее названия, редко вспоминаем, что этим шагом вперед в культурном развитии обязаны нашему восточному соседу». А португалец Антонио Санчес даже издал книгу «Уважительные сочинения о русских банях».

Однако, как ни лестно для патристических чувств убеждение, будто именно Россия обучила мытью «тонувшую в грязи» Европу, объективности ради нужно уточнить, что дело обстояло несколько иначе. Европа не «перенимала» у русских банное дело, а, точности ради, возрождала свое, позабытое на изрядное время.

В раннем Средневековье в Западной Европе бани любили не меньше, чем на Руси. Как явствует из письменных источников, в XIV веке в германских Ульме, Нюрнберге, Франкфурте и Аугсбурге насчитывалось соответственно 11, 12, 15 и 17 бань. А в Вене – 29. В средневековой бане европейцы не только мылись, но и общались с друзьями и знакомыми, могли поесть и получить врачебную помощь. Вдобавок часто мылись и дома: правда, в больших бадьях – бань, похожих на русские, дома не заводили.

Однако настало время, когда все бани потихонечку закрылись. Причина была самая прозаическая: в Западной Европе свели под корень большинство лесов, и дрова вздорожали в разы, на порядки. А углем топить тогда еще не умели. Ситуация такая повлияла и на кулинарию: жареная пища стала привилегией лишь богатых людей. Не в результате каких-то запретов (наподобие существовавших для «низших слоев», не-дворян, касаясь мехов и определенных тканей), а исключительно потому, что жарение требует гораздо больше дров, а они теперь чертовски дороги... Так что народ победнее о жареном и не думал, ограничиваясь всевозможными похлебками как можно более быстрого приготовления, вареным и пареным, а то и тем, что можно было есть сырым (овощи, сыр).

Да вдобавок с чьей-то легкой руки широко распространилось поддержанное многими тогдашними медиками убеждение: мыться – вредно. Мытье, особенно в горячей воде, открывает поры кожи, и в них гораздо легче проникнуть всевозможной заразе. А слой грязи, соответственно, защищает тело от болезней.

В результате сочетания этих двух обстоятельств Европа и засмердела. «Ароматы» годами не мытого тела старались отбить, обливаясь духами. На пару-тройку столетий Европа и в самом деле стала вонючей, невымытой, вшивой. А виной всему слова, которых тогда и ведать не ведали: «экологический кризис». Когда с дровами стало получше, стали возрождаться и бани...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.